

у Дионисия Галикарнасского, обращаясь к его мыслям, высказанным в *Ῥωραϊκὴ ἀρχαιολογία* и *Περὶ Θουκυδίδου*. В соответствии с этими принципами историк должен выбрать один важный период и тему (*ὑπόθεσις*), писать о событиях, лично им пережитых и потому известных ему *ἐξ ἐμπειρίας*, на основании автопсии или сообщений свидетелей; он не должен прибавлять ничего выдуманного (*μυθῶδες*) и писать для пользы (*πρὸς ὠφέλειαν*), а не для развлечения читателей (*χορταία, ἀπάση*). История должна быть жрицей правды¹⁷; историк обязан писать без хулы и лести¹⁸ (так, как Фукидид восхваляет Фемистокла и Перикла), но может с похвалой отозваться о хороших примерах. Изложение должно быть связным и последовательным¹⁹.

Другим теоретиком историографии был Лукиан, оставивший нам не большое произведение *πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγραφεῖν*. Следуя правилу отмечать хорошие примеры и порицать плохие, историография во времена Лукиана оказалась в опасной близости к риторическому жанру *ἐγκώμιον* или *ἔπαινος* и *ψόγος*²⁰ и вообще к беллетристике²¹. В предисловиях, которыми византийские историки — по образцу античных — начинают свои произведения (Лукиан называет исторические произведения без предисловия *ἀκέφαλα σώματα*)²², они в основном повторяют требования Лукиана²³ в соответствии с принципом *ὅσα ὀφθαλμῶν ἀπιστότερα* — писать о том, что автору известно по автопсии, на основании собственного политического и военного опыта, строго придерживаться фактов действительности (*ὡς ἐπράχθη εἶπεῖν*), подвергать критическому рассмотрению данные устной традиции или источников. В особенности подчеркивается принцип абсолютной правдивости изложения²⁴, к которому мы еще вернемся в дальнейшем.

3. ОБЩИЕ МЕСТА (τόποι)

Одним из главных принципов классической византийской стилистики была, как известно, *μίμησις τῶν ἀρχαίων* — еще для Дионисия Галикарнасского Фукидид был *κατὼν τῆς ἱστορικῆς πραγματείας*, Перенимание словарного запаса и стиля и уважение к письменной традиции часто приводили византийских историков к заимствованию целого описания определенной ситуации (например, описание чумы, речь павших в бою и т. п.). Проконий и Иоанн Кантакузин подражают стилю Фукидида²⁵. Так как византийские историки отождествляли чужие племена, с которыми им приходилось сталкиваться, с античными племенами, жившими в той же области, они, как правило, давали им античные названия (*Σχόδαι, Μύσοι, Πέρσαι*) или по крайней мере пользовались формулой *τὸ παλαιὸν ἠνομαζόντο... ταῦν δὲ καλοῦνται*, перенося на эти племена также и античную характеристику. Современная историческая критика показала, однако, что эти так называемые этнографические или новеллистические общие места являются в большинстве своем вполне достоверными, хотя и облачают рассказ о современных событиях в античные одежды²⁶.

Предисловия византийских историков²⁷, в которых излагаются их теоретические принципы, надо рассматривать обращаясь к тому же критическому методу, что и в случае с историческими предисловиями. Византийские историографические предисловия также носят характер общих мест, но это всегда означает, что автор не придерживается программы, которую они отражают. Ведь целый ряд элементов, использовавшихся историками эллинистической эпохи, и особенно историками второй софистики, находился на переднем плане византийской культурной и литературно-теоретической программы.

Наряду с позднеантичными образцами все более усиливающееся влияние риторики было одним из главных факторов, способствовавших тому, что сжатые вводные фразы Геродота, который подчеркивал необходимость установления причинной связи между крупными историческими событиями и необходимость сохранения их в памяти (Геродот, I, 1), и Фукидида, указывавшего также на необходимость исторической критики в интересах правды (Фукидид, I, 20—21), во многих случаях разрослись в сравнительно